РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДВУХМЕСЯЧНИК

КУЗНИЦЫ

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1924

ЛЕНИН

Г. САННИКОВ

ЛЕНИНИАДА[1]

Фрагменты

III часть

ЗАРЕВЫЕ КОЛОННЫ

Гляжу на человечество
И вижу
Осенний опустелый сад.
В нем собраны плоды,
И отшумевшие деревья,
Осыпав желтую листву,
В усталый сон погружены.
И будто не было весны,
И только в городе
На площади широкой, под Стеной,
Холмы могил
И мавзолей вождя
О буре дней напоминают
И о весне похолодевшей рано
На нашей немощной земле.

О, сколько раз к вождю влекомый,
К могилам погибшей гвардии его
Я добрые задумчивые ночи
Там под Стеной кремлевской коротал.
Внимал как медные куранты,
С высокой башни осыпая звон,
О возмущенном разуме,
О смертном бое пели,
О неоконченной борьбе.
И часто, часто мне казалось,
Когда я вслушивался в мерный звон,
Что это не часы — могилы пели
Будя, тревожа тишину...

Я помню ночь
И утро, вставшее за нею.

[1] Вступление и 1-ю часть «В земле тревога» см. № 1 «Рабочего Журнала». 2-я и 4-я части будут напечатаны в следующих №№.

Редела мгла и тихо рдел
Холодный небосвода край,
Немела даль и на исходе
Таинственнее становилась ночь.
И вместе с газовыми фонарями,
В садах и ресторанах,
Где звонкой россыпью фонтаны,
Вино и смех
И пьяное довольство, —
Ночная угасала жизнь.
Промчался с гиканьем лихач,
Размахом полыхнуло платье
И пара беспокойных глаз
И снятый с знамени румянец на щеке.
А вдалеке
Сторожевою перекличкой
Гудки гудели
И славили иную —
Суровую и трудовую жизнь.

Задумчивый,
Я под Стеной кирпичной,
Как под тяжелой вечностью, сидел.

Передо мной, как в теплом сне
Младенческом, невозвратимом,
Виденья возникали —
Смеялась радуга грозой
И утро превращалось в ночь,
Теснились холодея звезды,
Синея
Ширился
Полуночного неба круг.
Мне вспоминался бой Октябрьский,
Когда мы в буре повернули руль
И к нерушимым берегам,
Отважные, поплыли прямо
Тяжелым строем кораблей.

О, дальний путь, о, горькая отрада!

Мы не достигли берега,
Мы изменили курс...
И тяжело в открытом море
Усталым морякам!
А площадь медленно светлела,
Яснели очертанья зданий,

В своем величии
Росла
Кремлевская Стена,
И только темный мавзолей,
Как ночь глубокая,
Синел,
Не тронутый рассветом.
Два стража
На посту
Стояли у него.
Была вокруг седая тишина.

И вот в такую тишину седую,
В дневеющее забытье,
Клонимый думами,
Спокойно погружался я...
Вдруг слышу шум.
Шаги
И стук тревожный
(Не под землей ли это?)
Гляжу —
А площадь вся в заре.
В смятеньи
Красноармейцы
От мавзолея отшатнулись
И из открывшихся дверей,
Из глубины тюрьмы своей
В зарю на площадь вышел вождь.

Он был до странности обычен,
И так необычайно прост.
На нем пиджак был цвета хаки,
И кэпи серая — на голове.
И, словно что-то вспоминая,
Взглянул на озаренный Кремль,
На ровные могилы под Стеной
И на высокий мавзолей...
И капли крови, кажется, во мне
Не оставалось без биенья.
Я трепетал,
Когда по медленным ступеням
На овдовевшую трибуну
Он вновь, как к жизни, восходил.
О, миг неповторимый! Я запомнил
Смертельно-бледное лицо,
Решимость в потемневшем взоре,
Холодную уверенность шагов.
«Герои класса, в путь пора.
Мы вместе начинали,

Вставайте довершать!..»
Раздался громкий клич вождя
И словно ветер на мгновенье
Всю площадь круто всколыхнул.
Зашумели
Сухими сучьями
Деревья под Стеной,
Испуганно зазвенели
Куранты медные на башне древней
И,
Полыхая зарею ран,
Погибшие поднялись из могил,
В ряды построились
И вот
Из-под торжественной Стены,
От шумных почестей и славы
За ним,
За Лениным,
К смятению и непокою
Встревоженные
Тронулись в далекий путь.

Видал я армию, идущую на бой
Рядами пестрыми за строем строй,
С суровой строгостью на лицах;
Видал в торжественные дни
Народа радостные толпы,
Под красным дыханием знамен,—
Но никогда я не видал
Той стройности, с которой шли,
Не шли — текли колонны,
Как волны полные,
Вослед одна другой.

Помню
Дневело утро.
Лучи, как голуби,
На башнях трепетали,
Гудели голоса
И в пламенеющий сливались хор.
«Мы в книге крови бессмертные буквы» [1],
Мы в книге времени славы слова,
Нас читая, встают народы,
Мы, внимая, кровавей горим.
Не забудутся годы свершений,
Будут помниться годы побед.

[1] Эта строчка заимствована из поэмы «Кровь рабочая» Г. Якубовского.

Мы погибли и снова восстали,
Расплеснулись зарей по земле.
Тьма сменяется новым сияньем,
Даже день не походит на день,
Изменяется все на планете,
Только мы неизменны в борьбе.
Только подвиги красного класса
Будут жить за горами веков...
Мы в книге крови бессмертные буквы,
Мы в книге времени славы слова.

Конец III части

Продолжение следует

* * *

А. ШЕСТАКОВ „НИКОДИМ“

ЛЕНИНСКИЙ РЕЗЕРВ

Они все, как на рисунках Моора в праздничных номерах «Правды», люди массы, с одним лицом. Их глаза — обыкновенные человеческие глаза — смотрят на тебя совсем просто и в то же время говорят многое без слов. Прямо от станков — запыленные, грязные, неумытые, иные с прокопченными лицами, пришли заниматься с лектором, изучать учение товарища Ленина. Уселись плотной толпой, вертят в руках замусоленнные тетрадки, обрывки бумаги, неуклюже царапают карандашом:

«Паркамуна 71 году».

«Праграма обчая част».

Пишут записки:—Что это значить:

Милитаризьм и реформисторы встречаются в газетах такие слова, а мне не понятны;

— что такое трихполье;

— а почему мы нацыям дали спервоначала оприделение на разделность, а потом пашли на соединение.

На словах закидывают более тонкими вопросами — хотят знать все до мельчайших подробностей — ответы слушают, затаив дыхание...

Тишина тогда. И из массы встают один за другим отдельные лица, каждое особенное, свое особенное, каждый думает по-своему. Один соображает быстро, схватывает мысль налету, другой подставляет ухо и открывает рот, чтобы не проронить ни слова, третий напряженно вытянулся и «ест» лектора глазами. А вон тот, справа, во втором ряду, вероятно, кузнец — черный от сажи, с седой подстриженной бородкой, лукаво прищурил глаз и делает вид, что не всему верит... Меркулиха с темным платком на голове, у нее трое детей и муж больной, вся — внимание, как натянутая пружина,—с урока сейчас же за домашнюю работу по хозяйству. Замучилась — день на заводе, заботы по дому, семь лет собиралась вступить в партию, все откладывала, вот полегче будет... не дождалась, не вытерпела, когда Ильич умер, вписалась, а раз в списке, значит, еще работа, без пропуску, без опоздания, чтобы минута не пропала.

— Ведь семь лет собиралась... другие как успели, а я теперь догонять их должна... Высокий, массивный слесарь с новой соседней стройки, на задней скамье, как сфинкс загадочный, затрудняется с руками, а когда отвечает на вопрос, краснеет и конфузится, как красная девица.

Ю. Х. ЛУТОВИНОВ

Город Луганск, Екатеринославской губ. За небольшой речушкой Луганкой расположен рабочий поселок «Каменный Брод». Низкие хатки, немощеные улицы, дым заводских труб.

Там провел детство и раннюю юность Юрий Хрисанфович Лутовинов. Принадлежал он к сословию «сельских обывателей». Такое название получили крестьяне, которые ссылались на работы в рудники и на заводы Донбасса и Урала. Уже позже они получили другое название—мастера казенных предприятий. Сословие «сельских обывателей» еще до революции существовало в Донбассе и на Урале, и только с февральской революцией они были уравнены в правах с другими сословиями.

Юрий Хрисанфович родился в 1887 г., получил низшее начальное образование. С ранних лет начал работать в Луганске же на заводах, больше всего на заводе Гартмана, в качестве токаря-фрезеровщика по металлу.

Живой, впечатлительной, любимый всеми товарищами, Юрий Хрисанфович, едва достигнув юношеского возраста, уже прославился среди рабочих-сверстников и бородачей пламенной ненавистью к поработителям рабочего класса, заражая товарищей своим энтузиазмом, увлекая их на борьбу.

Кто в Луганске и окрестных рудниках и заводах не знал Ванюшу, как его там тогда называли. Отлично знала его и полиция, неустанно охотившаяся за ним.

Кипучая деятельность Лутовинова не ограничилась Донбассом: за исключением Сибири и Урала, где тов. Лутовинов работал лишь в последнее время, он из'ездил по партийным и профессиональным делам всю Россию, очень часто подолгу работая в местных предприятиях в качестве токаря-металлиста.

Официально тов. Лутовинов числится в партии с 1904 года, все время во фракции большевиков. И с этого приблизительно времени, т.-е. с 16-летнего возраста, начинаются мытарства: аресты, ссылки, побеги. В общей сложности в тюрьмах он провел больше 5 лет, несколько раз побывал в местах «не столь отдаленных»,—в Сибири, в Архангельской губ., а все остальное время, вплоть до революции, числился в бегах или под гласным и негласным надзором полиции. «Бегать» он был большой мастер: сколько он совершил побегов, кажется, и сам Юрий Хрисанфович не сосчитал бы.

Профсоюзная деятельность тов. Лутовинова началась с первых же дней поступления на завод, уже в 1905 году он состоял членом правления «профессионального общества рабочих машиностроительных заводов Гартмана». Затем в Ленинграде, работая на заводах Леснер и Путиловском, он состоял членом правлений профорганизаций этих заводов.

После февральской революции, в бытность свою в Луганске, т. Лутовинов работал в областном комитете союза металлистов, а затем последовательно в Донецко-Криворожском областном комитете, в ЦК союза металлистов, в ВЦСПС. В последнее время т. Лутовинов был заведующим тарифно-экономическим отделом ВЦСПС и председателем ЦК работников народной связи. До последнего времени тов. Лутовинов состоял также членом президиума ВЦСПС.

Работая главным образом в области профессионального движения, т. Лутовинов не оставлял и партийной работы: был он членом харьковского комитета, затем комитета Донецко - Криворожского бассейна, членом ЦК КП (б) У и т. д. Перечислить места работы т. Лутовинова не представляется возможным, но кто знал т. Лутовинова, его темперамент, его беззаветную преданность делу рабочего класса,—тот знает, как работал тов. Лутовинов.

Советская работа т. Лутовинова происходила у всех на виду: член луганского совета рабочих и крестьянских депутатов, член совдепа в Харькове, член совнаркома существовавшей тогда Донецко-Криворожской республики, член президиума и секретарь ВЦИК'а.

Не чужд был тов. Лутовинов и хозяйственной деятельности. Не говоря уже о чисто хозяйственной работе, которую ему приходилось вести в связи с профессиональной и советской его работой, т. Лутовинов с марта 1921 г. до августа 1922 г. состоял заместителем нашего торгового представителя в Берлине, одновременно ведя и профессиональную работу, представительствуя там российское профдвижение. Вообще, трудно представить себе т. Лутовинова на какой бы то ни было работе вне связи ее с профессиональным движением.

Не стало т. Лутовинова, не стало «Ванюши», «Юрки» для близких его друзей, не стало любимого товарища, недюжинного работника.

С какой болью отзовется эта весть в сердцах многих и многих металлистов, горняков, почтовиков и многих других рабочих.

* * *

А. ЕНУКИДЗЕ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА И ДРУГА

В среду 7 мая, вечером, покончил жизнь самоубийством т. Ю. Х. Лутовинов. На место его кончины я прибыл вскоре и застал его лежащим с простреленной головой в луже крови. Смерть от выстрела наступила мгновенно.

Когда с товарищем сталкиваешься часто и видишь его полным сил и энергии, трудно поверить, чтобы он мог расстаться с жизнью таким путем...

Тов. Лутовинова впервые я встретил в одной из петроградских тюрем после июльского разгрома нашей партии в 1914 году. В тюремной обстановке он обращал на себя внимание товарищей, как твердый и горячий революционер и как прекрасный товарищ. После этого мы столкнулись с т. Лутовиновым уже на советской работе, в Москве. Сначала я с ним встречался на заседаниях ВЦИК, членом которого он состоял, впоследствии мы в течение года работали оба, как секретари и члены президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Основной его работой была работа в центральных органах профессиональных союзов.

В период совместной работы в президиуме ВЦИК он проявил себя как энергичный и всегда вникающий в дело работник; свои взгляды на те или иные вопросы он всегда отстаивал с чрезвычайной искренностью, но в своих выступлениях отличался некоторой резкостью. Однако, выступления его никогда не носили склочного характера. Секретарем ВЦИК он состоял в период одного созыва, а все остальное время, начиная с 1919 г. до настоящего времени, он был чле-

ном президиума ВЦИК и с 1923 г.— кандидатом в члены президиума ЦИК Союза ССР.

Заседания президиума тов. Лутовинов до последних двух-трех месяцев посещал аккуратно и всегда принимал в них самое активное участие: Особенно горячо в президиуме он всегда выступал по вопросам, касающимся охраны труда, социального страхования, заработной платы, и налоговым вопросам. Во время обсуждения тех или иных вопросов он всегда обнаруживал классовое чутье, присущее пролетарию. Работать с ним было легко, так как он всегда ясно высказывал свои мысли, и, раз решение было принято, он целиком присоединялся к нему и всегда и везде его отстаивал.

За все время совместной работы я не замечал, чтобы он вел какую-либо закулисную работу или склоку против товарищей.

За последние месяцы тов. Лутовинов часто стал пропускать заседания президиума, вследствие чего мне приходилось редко с ним сталкиваться.

На мой вопрос, почему он пропускает заседания президиума, он отвечал, что за последнее время чувствует себя плохо, переутомлен, и говорил, что ему необходим длительный отдых. Некоторой нервозностью он всегда отличался, но, по рассказам товарищей, близко с ним сталкивающихся, он за последнее время иногда стал проявлять мнительность и подозрительность. Я несколько раз обращался к нему и советовал отдохнуть, но он все время отговаривался, ссылаясь на работу и на близость предстоящих с'ездов профорганизаций, а также с'езда РКП. Будучи послан в недельный отпуск в дом отдыха ВЦИК, он через два дня возвратился в Москву— его тянуло в город, к работе. На мое предложение после партийного с'езда поехать в Закавказье тов. Лутовинов охотно ухватился за эту мысль и говорил, что непременно поедет туда вместе со мной на месяц-другой.

Последний раз я видел тов. Лутовинова на заседании президиума ВЦИК, в понедельник, 5 мая, т.-е. за два дня до рокового конца. На заседании президиума он принимал обычное участие в обсуждении всех вопросов, был весел, и ничего нельзя было заметить такого, что предвещало бы столь скорый конец его жизни. После заседания президиума он прошел ко мне в кабинет и в веселой форме рассказал, как у него в трамвае вытащили бумажник с деньгами и документами, при чем документы были ему возвращены, а деньги «благородный» вор оставил у себя. Тут же он обратился ко мне с просьбой выписать ему аванс в счет жалованья—в размере 15 червонцев. Мы некоторое время еще беседовали о разных вопросах, при чем беседа носила обычный шутливый характер.

У меня лично во время этой беседы совершенно исчезли те опасения, которые, благодаря рассказам товарищей, мне приходили в голову относительно его настроений.

Тов. Лутовинов был один из преданнейших партии и Советской власти людей.

По некоторым вопросам он резко расходился с товарищами, но свои разногласия он умел сочетать с единством нашей партии, которым он в высшей степени дорожил. В лице его мы потеряли одного из энергичных и преданнейших работников, который мог бы еще долгие годы укреплять наши ряды.

Память о товарище Лутовинове среди близких и знавших его товарищей останется навсегда

8 мая 1924 г.

* * *

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ФЕДОР ТРУБНИКОВСКИЙ

СУДЬЯ ЛУКАВЫЙ

Валерий Брюсов и «Кузница»

7-я книга «Печать и Революция», 1923 г..

Статья о «Кузнице» Валерия Брюсова напоминает по бездоказательному лаконизму положений рецензию типа — «все исполнители были на своих местах».

«Говори веско или молчи» гласит мудрое правило. Жаль, что от него отступил Валерий Брюсов. Он начинает «литературное обозрение» комплиментом — поэты из «Кузницы» в истории русской поэзии останутся,—но в целом его рецензия— обвинительный приговор Кузнецам.

«...первоначальное об'единение по принципу исключительно идеологическому привело постепенно поэтов «Кузницы» к тому, что большинство из них усвоило единообразные приемы, одинаковые подходы к темам».

«Единообразные приемы», это — то же, что безличие. Естественно, что этот тяжкий пункт обвинения следовало бы Брюсову подтвердить параллельными цитатами из обвиняемых в безличии поэтов.

Доказательств — ни одного.

И не потому, конечно, что у Брюсова книг под рукой не было.

Этих доказательств привести невозможно. Их нет. Внимательный и беспристрастный анализ произведений поэтов из «Кузницы» приводит к дифференциации художественных приемов, которыми пользуется каждый из них.

Что общего «в приемах» меж живописцем широкого мазка Иваном Филипченко и четким графиком Обрадовичем, меж плакатно-буйным Герасимовым и динамически-скрытным Санниковым? — Ничего общего, никаких точек соприкосновения.

Да разве через одну и ту же щель проник революционный луч в «Рабочий май» Казина и в «Сломанные заборы» Полетаева?—Конечно, нет.

Единственно, где возможно равнение «кузнецов» по одной линии, это — в идеологическом единстве, в органически радостном и классовом ощущении революции, которое отразилось на их произведениях «единообразным» красным цветом, не помешавшим, однако, каждому из них итти в своем поэтическом творчестве индивидуально очерченным, неповторным, не штампованным путем.

«Порвать с буржуазной поэзией прошлого, избегать ее обычных тем, ее обычных форм, ее обычного словаря, отказаться от чисто-индивидуалистической лирики, выявлять в поэзии миросозерцание пролетариата, изображать борьбу пролетариата за власть, пролетарскую революцию, роль рабочего, мощь машин, значение труда и т. д.» — вот основные пункты программы «Кузницы», говорит Брюсов, и не без ехидства добавляет:

«Что говорить, задача важности исключительной, предлагающая в последнем счете то, что люди в течение трех тысячелетий называли поэзией, заменить чем-то существенно иным, новым по содержанию и по форме, ибо форма должна быть найдена, адэкватная этому содержанию».

взглядом старых глаз, подымает породистую птичью голову и окликает, как на параде: — Зд-рова, ма-ладцы, преображенцы!

Полк отвечает грохочущим рыком, оркестр играет марсельезу, дрожат стекла, трепещут уши и ноющей радостью отбивает такт сердце. Офицеры едят глазами новое начальство, репортер в углу трясущимися руками отмечает на блок-ноте речь возможного президента Родзянки. Старик уходит в усталом величии, сморкаясь в большой платок, а волны выбрасывают вместо него Милюкова. Профессор нервничает, но черный костюм не испачкан, твердый воротник аккуратно подпирает жесткие бритые щеки с равнодушным румянцем. Он тоже хочет говорить с морем, повелевать им: «Граждане, приветствую вас в этом зале».

Но внимательному глазу очевидно, что ни Родзянко «в усталом величии», ни чопорный профессор Милюков — не вожди революции: «Вождей нет в стихийном, вулканическом взрыве. Они мелькают легкими щепками в бурном беге потока, пытаются повелевать, указывать, хотя бы понимать и принимать участие. Но водопад бьет дальше, тащит вперед, кружит, приподымает и бросает во прах».

Характерно дан «революционный» портрет Андреева, когда в «Бюро Печати» при Государственной Думе восторженный Герман Лопатин «прижимает к седой бороде всех проходящих и, слезясь, бормочет: «Ныне отпущаеши... Да-а. Кончилось. Сподобились увидеть конец...».

Леонид Андреев теребит пояс и морщит брови. Резко подымает мощный лоб.

— Конец. Вы думаете? А по-моему — начало.

И левой рукой обвивая кольцом волосы вокруг пальца, показывает правой в окно.

— Или, вернее, начало конца.

Это четкий снимок «на-лету» предопределяет почти исчерпывающе враждебное отношение Андреева к революции и в дальнейших ее этапах. Кабинетный бунтарь, бомбометатель за письменным столом, Леонид Андреев от подлинных, р е а л ь н ы х взрывов устаревшего уклада жизни испуганно оглох и злобно отвернулся. Ни в расплывчатой романтике первых дней революции, ни в планомерной поступи ее последующих фазисов он красоты борьбы и победы не увидел.

Метко схвачен Кольцовым в секундном наброске половинчатый и вз'ерошенный Керенский:

«В комнату «военной комиссии» ворвался Керенский. В дверях лицо его еще было смертельно усталό, сонно и безразлично. С первых слов он стал напряженным, нервным, нахмуренным.

— Господа офицеры и вы, защитники революции! Только что мне сообщили, что на Забалканском проспекте темные элементы громят винные склады. Наш долг немедленно прекратить разбой, позорящий народное дело. Поручаю это...

Поперхнулся, прищурился на кольцо окружающих и предупредительно уронил высокому красивому поручику с красной ленточкой на белом гвардейском кресте:

— Вам...

Потом, смутившись кожаной тужурки, добавил озабоченным хриплым шопотом, взяв меня за плечо:

— И вам...».

Опираясь уверенно на «красивого поручика» и смущенно — на кожаную куртку — так недолго протанцовал свою политическую карьеру Хлестаков Великой Революции — Керенский.

Из Петрограда в Финляндию, из Финляндии в Брест-Литовск, из Брест-Литовска в Киев, спеша с одного фронта на другой, — всю Россию исколесил Кольцов в эти годы революции.

И владея быстрым и четким пером опытного художника-журналиста, книгу свою «Идеи и выстрелы», рожденную в непосредственном общении с жизнью, в самой ее гуще, написал Михаил Кольцов увлекательно и сильно.

* * *

ХРОНИКА

ИЗ ЖИЗНИ „КУЗНИЦЫ“

Январь — апрель 1924 г.

В течение трех с половиной месяцев текущего года внутренняя работа „Кузницы“ протекала с все растущей интенсивностью. Еженедельные закрытые собрания объединенных секций по средам с каждым разом привлекали все большее и большее число участников и дали выявить себя многим молодым членам группы. Спаянные дружной товарищеской работой, эти собрания, будучи, несомненно, интересными каждому участнику их, вызвали бесконечный приток свежих сил, притом даже из других организаций. Это особенно сильно сказалось в секции беллетристов. С апреля и поэтическая секция почувствовала необходимость в отдельной работе, что вызвано как перегруженностью списка читающих, так и стремлением к более тесной работе поэтов.

В течение последнего отчетного месяца „среды“ „Кузницы“ были посвящены следующим. авторам.

Тов. А. Демидов прочел четыре главы из своего нового романа. Эта часть обширной эпопеи посвящена дням февральской революции. Автор чередует здесь описания массовых движений с кусочками жизни действующих лиц в дни переворота. Из квартиры рабочего он переводит действие в салон генеральши, а оттуда на улицы. Прения, как всег а коснувшиеся и формы и содержания, единодушно признали слабость композиции автора, газетность языка, неясность зарисовок. Были отмечены также некоторые исторические неточности. Автор признался, что и сам он неудовлетворен этими главами, почему и выбрал их для чтения в закрытом товарищеском собрании.

В тот же вечер тов. А. Макаров прочел поэму „Дочь стрелочника“. Участвовавшие в прениях тт. Санников, Обрадович, Афрамеев и др. отметили свежесть и сочность языка поэмы, интересную ее фабульность, связность ее со всем тем, что прежде написано Макаровым.

На этом собрании присутствовал писатель А. Серафимович, которого от имени группы приветствовал тов. Ф. Гладков.

Следующая „среда“ была целиком занята докладом тов. Б. Леонтьева „Литература наших дней и задачи писателя“. Докладчик отметил отрыв старой литературы от Революции, связанный с развалом интеллигенции; отрыв этот сделал всю дореволюционную литературу кладбищем и поставил перед молодой пролетарской литературой громадные задачи. По мнению докладчика, теперь уже кончается „период первоначального накопления“ в литературе, и новый писатель скоро догонит, наконец, бегущую вперед жизнь, от которой он отстал, все еще переваривая Октябрь. Из других тезисов доклада следует отметить требование ярко выраженного лица автора в художественном произведении, а также призыв к большему вниманию к новой интеллигенции.

Из возражавших докладчику тт. Приходченко и Молодцов-Вечерний отстаивали нужность в данный момент не только тем революции, но и дореволюционного периода. Тов. Г. Якубовский, признав правильными в целом основные тезисы доклада, требовал уточнения и углубления многих из них. Докладчик забыл, например, о роли передовой интеллигенции перед Революцией и ту часть литературы (напр., М. Горький), которая уже носила в себе зачатки октябрьских идей В прениях участвовали также т.т. Санников, Пчелинцев, Щенх-Заде, Макаров и др.

На одном из собраний, тов. Е. Нечаев, старейший из пролетарских писателей, прочел новый рассказ „По пути к преподобному“ — из воспоминаний старого стеклянщика. Тема — любовь двух непосредственных существ проходящая на фоне жизнерадостной

природы русской деревни. Повествование вложено в уста героя, рассказывающего его своим товарищам, и изобилует колоритными выражениями рабочих-подростков и крестьян, неподдельным пролетарским юмором, дышет пастушеской наивностью. Все это отмечено выступавшими в прениях тт. Волковым, Гладковым, Леонтьевым и др. С другой стороны, тт. Ляшко, Морозов, Макаров и Афрамеев указали на недостатки в композиции произведения, в котором начало и конец лишни, мало связаны с основным эпизодом и при всей своей художественности — скучны. В итоге, собрание, признавая художественность рассказа, высказалось за сокращение отдельных мест и исправление мелких недостатков. Тов. Нечаев в своем заключительном слове напомнил, что в русской литературе много есть поэзии дворянских гнезд, но нет рабочего быта, в котором встречается не меньше высоких душ, способных на чистую и сильную любовь.

Вслед за тем тов. М. Морозов прочел ряд стихотворений: „Пасс“, „Над обрывом“, „В поезде“, „Птичка и пантера“ и др. Тт. Макаров, Дмитревский и др. отметили связь поэта со старой литературой (от Пушкина до Брюсова), преобладание скорее мудрости, ума, нежели чувства.

В одну из последних „сред“ была заслушана повесть т. Н. Афрамеева „Слободка“, герой которой, провинциальный рабочий, отправляется в Москву учиться на рабфак, сохраняя в то же время тесную связь с жизнью родной рабочей слободки. Участвовавшие в прениях тт. Корольков, Зырянов, Дальний, Пучков, Ляшко и др. признали подкупающую правдивость и здоровый бодрящий реализм автора. Лица героев очерчены ярко, язык богат и образен. Вместе с тем вещь имеет и недостатки, как-то: неравномерный темп действия, слабость глав, посвященных жизни рабфаковцев, местами растянутость. В итоге отмечен крупный шаг автора вперед по сравнению с прежде написанным.

За три месяца текущего года на „средах“ были заслушаны кроме того: Т. Дмитриев — „Паутина“, повесть, Дальний — две части романа „Люди борьбы“, Б. Леонтьев — „Рождение земли“, роман, А. Каргополов — „О быте“, доклад, А. Пучков — „Станция“, повесть, Н. Дмитревский — „Пастух“, рассказ, С. Ингвар — „Накип“, поэма, И. Пчелинцев — Пролетарский“ поэт С. Родов, доклад, Н. Молодцов-Вечерний — „Бурда“, повесть, А. Новиков-Прибой — „Б. спартийный“, рассказ.

На публичных собеседованиях „Кузницы“ по пятницам выступали писатели: Ф. Гладков, А. Пучков, В. Александровский, Е. Ингвар, Н. Дмитревский, Н. Ляшко, И. Тачалов, А. Зуев, И. Лукашин, Вяч. Шишков, П. Орешин, М. Волков, Н. Молодцов-Вечерний, Г. Санников, С. Обрадович, Н. Полетаев, А. Макаров, Е. Нечаев и др.

★

В „КУЗНИЦЕ“

Поэтическая секция работает под руководством поэтов: Г. Санникова, Н. Полетаева и С. Обрадовича. В секцию привлечено до 10 молодых авторов. На последнем заседании секции были заслушаны и подвергнуты основательному разбору стихи: Н. Полетаева, М. Морозова и др.

Группа упразднила свои открытые литературные „пятницы“, решив заменить их показательными вечерами, организуемыми как в центре, так и в районах, не реже одного раза в месяц.

На собрании группы 17 апреля было переизбрано Правление. В новый состав избраны: Вл. Бахметьев, М. Волков, Ф. Гладков, Н. Ляшко, С. Обрадович, Г. Санников и Г. Якубовский, кандидаты: А. Новиков-Прибой и Дмитриев.

Группа поставила своей задачей — до летнего перерыва выпустить три номера „Рабочего Журнала“, издать подготовленный к печати литературно-художественный альманах „КУЗНИЦА“, начать издание литературно - художественной еженедельной газеты и для ответственного редактирования ее выделить тов. Вл. Бахметьева, усилить секционную работу, вовлекая новые силы, у учшить материальные и жилищные условия членов группы, пересмотреть декларацию-платформу и проч.

Группа по вполне основательным причинам не принимала участия в состоявшейся недавно Московской конференции пролетписателей. Группа против механического объединения. Такое объединение она считает бесплодным. „Кузница“ выдвинула лозунг борьбы за улучшение быта пролетарского художника и органическое объединение на почве практической, литературно-производственной работы. „Кузница“ за собирание подлинных пролетарских художественных сил, не за борьбу с пролетарскими писателями, а за работу и борьбу против всего чуждого классовому строю пролетариата.

★

„КУЗНЕЦЫ“ КУЮТ

Вл. Бахметьев сдал в печать 1-ю книгу рассказов „Земля“, работает над повестью „?-я симфония“, написал несколько мелких рассказов.

М. Волков выпустил 2-ю книжку рассказов „Дубье“, изд. „Земля и Фабрика“. Работает над повестью „Чертополох“.

Ф. Гладков заканчивает роман „Удары“.

В. Казин напечатал в „Красной Ниве“ страницу новых стихов, работает над рядом лирических стихотворений.

А. Каргополов сдал в печать повесть „Земной тряс“. Работает над новой повестью.

Н. Ляшко сдал в печать повесть „В разлом“, заканчивает поэму в прозе „Железный сад“.

А. Макаров написал несколько стихотворений, „Дочь стрелочника“ и др. и рассказ „Зеленый гуляш“, подготовляет к печати сборник стихотворений „Голубь“.

Е. Нечаев готовит очерки из воспоминаний старого стеклянщика, написал несколько небольших стихотворений.

П. Низовой выпустил две книги рассказов издания „Жизнь и Знание“, написал повесть „Митякино“, работает над новой повестью.

А. Новиков-Прибой переиздал 1-ю свою книгу „Морские рассказы“. Закончил новую повесть.

С. Обрадович сдал в печать книжку стихов „Винтовка и любовь“, работает над составлением книг „Школьная эстрада“, антология революционной поэзии, и заканчивает поэму.

Н. Полетаев написал несколько стихотворений, подготовил к переизданию сборник стихов „Сломанные заборы“, расширив и дополнив его. Работает над поэмой о Ленине.

Г. Санников напечатал страницу новых стихотворений в № 23 „Красной Нивы“, продолжает работать над поэмой „Лениниада“. Заканчивает кавказские стихи „О винограднике“.

Г. Якубовский печатает в Госиздате сборник стихов „Книга крови и света“ (1913—1923 гг.). Работает над новой поэтической формой „Триады“. Подготовляет к печати книгу по теории искусства. Пишет литературные портреты современных писателей.

★

ВЫСТУПЛЕНИЯ „КУЗНИЦЫ“

в В. Л.-Х. И.

Культкомиссией института, с целью ознакомления студенчества с творчеством пролетарских писателей, был устроен вечер „КУЗНИЦЫ“, одной из передовых групп пролетарской литературы.

Докладчиком выступал Георгий Якубовский, отметивший основные положения художественной платформы „КУЗНИЦЫ“ и ее отношение к другим литературным группировкам. Н. Ляшко прочитал сказку «Нарная чертовщина». Выступали поэты: Г. Санников, С. Обрадович, А. Макаров, Н. Кузнецов. В заключение состоялась оживленная дискуссия по стихам Г. Санникова, к сожалению, к концу вечера принявшая резкий характер. Вечер в целом прошел не очень удачно: „кузнецы“ читали свои позднейшие произведения, а аудитория, незнакомая с предыдущим творчеством их, не в состоянии была критически охватить всего материала, представленного „Кузницей“.

★

Во Всероссийском союзе писателей

31 марта на собеседовании союза выступали „кузнецы“ — беллетрист Новиков-Прибой с отрывками из повести, поэты: С. Обрадович со стихами „О бульваре“ и др. и Г. Санников с отрывками из поэмы „Лениниада“. Повесть Новикова-Прибой дает ряд интересных картин из нового быта моряков. Стихи С. Обрадовича — характерные для этого автора — лирические зарисовки рабочего быта. Большой обмен мнений вызвала „Лениниада“ Г. Санникова. Прочитанные им 1-я и 3-я части поэмы охваты-

вают четыре героических годовщины Октябрьской революции, наступление Нэпа, смерть вождя и заканчиваются восстанием из-под Кремлевской стены погибших бойцов Октября — символическим торжеством победившего класса. Мнения в отношении поэмы резко разделились и приняли характер дискуссии по общественным вопросам. Небезынтересно было заключительное слово автора, давшего достойную отповедь по вопросам марксизма критикам мещанско-меньшевистского толка — Львову-Рогачевскому, Розенталю и др.

*

ГРУППА ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ „ТВОРИ!"

После долгого перерыва в январе текущего года группа возобновила свои собеседования. До настоящего момента было заслушано и разобрано: 6 повестей, 10 рассказов, 7 очерков, 1 пьеса, 1 поэма и около 20 мелких стихотворений. Кроме того, был организован показательный вечер в помещении группы писателей „Звено".

Недавно в издательстве „Земля и Фабрика" вышел из печати второй альманах группы „Твори!", под названием „Вершины". Сейчас подготовлен к печати третий альманах группы.

*

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ „ТВОРИЙЦЫ"

А. Пучков написал и сдал в печать несколько рассказов и повесть „Васька". Работает над повестью: „Солнцеяночка".

Н. Молодцов-Вечерний подготовил к печати повесть „Бурда". Работает над повестью „Свинцовый ливень".

Н. Жига работает над книгой бытовых очерков из жизни рабочих Донбасса.

Ал. Кречетов-Волжский закончил большую повесть: „Похищенное солнце", работает над повестью о половой проблеме в современности.

Ив. Пчелинцев работает над повестью из жизни воров и мелкими рассказами.

Н. Афрамеев написал повесть „Слободка", сейчас работает над мелкими рассказами.

С. Шихов заканчивает две поэмы: „Самарский парень" и „Песня о куске железа".

Т. Дмитриев работает над повестью из жизни учительства „Разброд".

*

КОЛЛЕКТИВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ИМЕНИ А. С. НЕВЕРОВА

Коллектив возник в 1922 г., выделившись из старого союза крестьянских писателей. Первым председателем коллектива был Ганьшин—крестьянский писатель-суриковец. Затем были — Телешов, Лукаш и, Яровой и в настоящее время Н. Степной. Ближайшее участие в коллективе принимал А. С. Неверов.

Весь 1922 год до тех пор, пока коллектив не стал на ноги, А. С. Неверов неукоснительно посещал все заседания и литер. вечера коллектива, давал ему указания, делился опытом — помогал творчеству отдельных членов, почему после смерти А. С. Неверова коллектив и постановил именовать себя его именем.

Каждый понедельник коллектив устраивает литер. собеседования; таковых со дня основания коллектива было 136.

На собеседованиях зачитывались произведения членов коллектива, иногда гостей.

За последний год были зачитаны главы из романа „Гуси-лебеди" А. Неверова, роман „Перевал" Степного, повесть Ярового, повесть „Стружкин" Брускова, повесть „Вера Семеновна" Логинова-Лесняка, повесть „Город Переплюй" Лукашина, повесть „Слепцы" Рязанцева, Минаева „Лохматые дни". Рассказы: Алексеевского, Муромского, Юрцева, Захарова, Жукова, Минаева. Пьесы: Лебедева „Подвох", Н. Степного „За Первое Мая", Телешова „Платоныч", Локтева „Разбитые бурей".

Стихи: А. Ширяевца, Алексеевского, Муромского, Минаева, Владимирского, Тачалова.

Кроме того, были сделаны доклады Н. Степной „Принципы художественного творчества", П. Ярового „Мастерская сюжетов".

В настоящее время наблюдается усиленная работа молодежи, так тов. Алексеевский зачитал довольно удачную повесть „Воронье", Муромский „Побежденные". Принят к печати литер.-худ. сборник „Алый венок", памяти А. С. Неверова, изд. „Красная Новь".

Печатается сборник В. И. Ленина.

Вышло два литер. сборника „Наш труд", изд. Колл. Раб.-Кр. писат.

Напечатаны отдельными книгами романы Н. Степного „Перевал", „Семья", изд. Колл. Раб.-Кр. писателей, книга Логинова-Лесняка, изд. „Красная Новь", книга Ярового, изд. „Красная Новь", пьеса Лебедева „Безбожники", изд. „Жизнь и Знание", пьеса Н. Степного „За первое Мая", изд. Московск. Театр. Общества.

В настоящее время готовятся литер. худож. сборник изд. Колл. Раб.-Кр. писателей.

В коллектив входят 27 человек. Имеются отделения в Орле, Самаре и Ленинграде.

Занятия коллектива происходят в доме литераторов — Тверской бульвар, д. 25.

* * *

ПОПРАВКА К 1-МУ НОМЕРУ „РАБОЧЕГО ЖУРНАЛА"

Редакция приносит извинения читателям и уважаемой Любови Исааковне Аксельрод (Ортодокс) за те искажения имени последней, какие по недосмотру вкрались в отдел рецензий и оглавление первой книги „Рабочего Журнала". Надлежит отбросить мужские окончания в рецензии и слово: „поэте", попавшее ошибочно в оглавлении в список рецензируемых авторов.

* * *

Редакционная коллегия: **Ф. Гладков, Н. Ляшко, С. Обрадович, Г. Санников, Г. Якубовский.**

Ответственный редактор **Г. Якубовский.**

Адрес редакции: Тверской бульв., дом им. Герцена № 25, комн. 6.

СОДЕРЖАНИЕ

* * *

РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ.

В третьем номере будут ПОМЕЩЕНЫ:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ.

В. Шишков. Фабриканты.
Вл. Бахметьев. На дыбах.
А. Пучков. Перерыв.
Т. Дмитриев. Сторож Архип.
Е. Нечаев. По пути к преподобному.
Стихи: С. Обрадовича, Г. Санникова, Н. Полетаева, В. Черевкова, Н. Погодина и др.

ЛЕНИН.

Г. Санников. Лениниада. Поэма, II часть. Неумолимый путь.

ИСКУССТВО и ЖИЗНЬ.

Г. Якубовский. Литература и Революция.
А. Авраамов. Социально-музыкальная проблема.
В. Тиханович. Накануне нового театра.
Б. Гусман. Рабочее кино.
Н. Тарабукин. Пролетарский художник.
В. Хмелева. А. Зугрин (некролог).

ПОЛИТИКА и ЭКОНОМИКА.

В. Ярощкий. Письмо из Англии.
Скотт Ниринг. Нефть и микробы войны (продолжение).

НАУКА.

В. Муралевич. Гормоны.
В. Муралевич. Новые эпидемии.

РАБОЧИЙ БЫТ.

И. Жига. У рабкоров.
П. Лесник. Дом № 23.
Н. Лукашин. Жестянка.
И. Дальний. Поживем.
Г. Верх. К юбилею А. С. Серафимовича.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Ф. Трубниковский. „Литература этих лет".
Т. Чурилин. Музейная Россия.
Семен Фомин. А. Ширяевец.
Обзоры, отзывы о книгах: Г. Якубовского, Г. Санникова, Ф. Гладкова, Б. Леонтьева, М. Шишкевича и др.
Хроника. Рисунки. Портреты.